

выходъ. Онъ зоветъ Верещагина, котораго Сенатъ уже осудилъ за распространеніе прокламацій къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ; но графу Ростопчину нужна искупительная жертва за собственную глупость. Онъ выдаетъ Верещагина толпѣ, онъ разжигаетъ ея страсти, увѣряя, что Верещагинъ виновникъ занятія французами Москвы и, устроивъ легенъкій погромъ, жертвой котораго гибнетъ по его самовольному суду Верещагинъ, уѣзжаетъ успокоенный и удовлетворенный, въ коляскѣ, увѣряя себя, что все это было необходимо въ интересахъ „порядка“!

Очень цѣнны и тѣ страницы, гдѣ Толстой, вопреки установленвшемуся въ свое время взгляду, изображаетъ отношенія крестьянъ къ дворянамъ и французамъ далеко не общепринятой патріотической точки зрѣнія. Но ужасовъ крѣпостного права Толстой все-же не изображаетъ намъ въ своемъ романѣ: ихъ онъ не видалъ и не хочетъ знать...

Второй романъ „Анна Каренина“ рисуетъ намъ тотъ-же великосвѣтскій міръ послѣ „катастрофы“, то есть послѣ освобожденія крестьянъ. Передъ нами картина жизни великосвѣтскаго общества въ условіяхъ крушения старого соціального строя. Новые отношенія, легализованныя и юридически оформленные „великими реформами“, требовали приспособленія къ себѣ людей старого уклада, или неизбѣжно вели ихъ къ гибели. Эту потребность приспособленія къ новымъ условіямъ жизни чувствуютъ всѣ; чувствуетъ и Л. Н. Толстой, но не знаетъ, какъ это сдѣлать. Старое исчезло въ своихъ юридическихъ правахъ, но остается властнымъ въ своей психологіи. Для Толстого новые соціальные слои не существуютъ: Они ему прямо антипатичны. Онъ не хочетъ знать ни интеллигентіи изъ разночинцевъ, ни торгово-промышленного класса, ни новыхъ свободныхъ профессій, ни земства, ни фабрикъ, ни промышленности. Если появляется представитель интеллигентной профессій, то непремѣнно подмаранный, напр. адвокатъ—по бракоразводнымъ дѣламъ, если купецъ, то кулакъ, скучающій за дешево дворянскія помѣстья. Новые люди только случайные типы. Центральное мѣсто занимаютъ, по прежнему, люди бѣлой кости, —бары, и рядомъ съ ними—мужики. Среди баръ—самый симпатичный Толстому и близкій ему по крови и духу—Константинъ Левинъ, за которымъ стоитъ все время самъ авторъ.

Романъ „Анна Каренина“ носить на себѣ печать какой то общей грусти, надломленности и неудовлетворенности. Въ семьяхъ царитъ разладъ, въ настроеніяхъ—смутное сознаніе нескладности жизни. Вронскій во многомъ пошелъ дальше Андрея Болконскаго; онъ уже тяготится условностью и безсодержательностью свѣтскаго общества, онъ желалъ бы лучшей и болѣе разумной жизни. Онъ готовъ уйти изъ „свѣта“, нарушить условность свѣтской морали и жить въ незаконномъ бракѣ съ любимой женщиной, но куда уйти,—онъ этого себѣ не представляетъ. Прильпиться душой къ новымъ классамъ